

О.А. Плех

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рассматривается кадровое обеспечение городской полиции трех губерний Европейского Севера России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой) в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. На основе опубликованных нормативных правовых актов и архивных делопроизводственных материалов установлена численность и проанализирован состав служащих по их сословному происхождению, возрасту и уровню образования. Представленные в статье материалы позволяют увидеть, что для большинства чиновников служебные перспективы определялись сословным происхождением, опытом службы и личными качествами.

Ключевые слова: кадровый состав, городская полиция, чиновничество, гражданская служба, Европейский Север России

Празднование 300-летнего юбилея российской полиции привлекло внимание многих ученых к проблемам становления и развития правоохранительных органов. Попытки обобщить накопленный опыт и результаты исследований обнаружили, что многие вопросы, связанные с функционированием органов внутренних дел в Российской империи, требуют дальнейшей разработки [1]. В последние десятилетия увеличилось число публикаций, характеризующих состояние местной полиции в рамках отдельных регионов с опорой на конкретно-историческую документальную основу, что, безусловно, позволяет выйти на качественно новый уровень осмысления интересующей нас проблематики. Однако в большинстве своем эти исследования охватывают период второй половины XIX – начала XX в. В гораздо меньшей степени ретроспективному анализу подвергаются особенности работы провинциальных полицейских учреждений XVIII – первой половины XIX в., что обусловлено фрагментарностью источниковой базы [2–5]. В центре внимания настоящей статьи – служащие городской полиции северных губерний России (Архангельской, Вологодской и Олонецкой), их численность и состав в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Речь идет о лицах, состоявших в действительной гражданской службе. Что касается выборных городских представителей, воинских команд и низших служителей, то ввиду специфики их служебного положения в статье они рассматриваться не будут. В указанных географических и хронологических рамках эти вопросы еще не становились предметом научного анализа. Документальную основу исследования составляют нормативные правовые акты и архивные делопроизводственные материалы, в том числе материалы систематического учета чиновничества – групповые формулярные списки.

В изучаемый период административно-полицейское управление в городах осуществляла городская полиция, на которую возлагались многочисленные обязанности: среди них значились не только полицейские, но и судебно-следственные функции и хозяйственно-распорядительные дела (обеспечение безопасности населения,

пожарная охрана, строительство и благоустройство, надзор за торговлей, борьба с нищенством и пр. [2. С. 28–29]). При всей значимости и обширности полномочий не существовало единой унифицированной схемы организации городской полиции. Формирование учреждений и их состава представляло собой протяженный во времени неравномерный процесс, на который оказывали влияние, с одной стороны, стремление государства организовать полицейское управление, отвечающее стоящим перед ним задачам и соответствующее нуждам городских обывателей, а с другой – ресурсы и возможности самих городов, которые зачастую оказывались весьма ограниченными. Пожалуй, в этом плане городская полиция выделялась на фоне остальных местных учреждений. В ходе ее становления и развития региональный фактор приобрел первостепенное значение. В связи с этим, прежде чем непосредственно перейти к характеристике корпуса служащих, необходимо уделить некоторое внимание специфике северорусских городов.

Города Европейского Севера России значительно различались между собой как по численности населения и занимаемым площадям, так и по социально-экономическому развитию. Самым крупным городским поселением был Архангельск. На общем фоне также выделялись Вологда, Великий Устюг и Петрозаводск. Остальные города представляли собой небольшие поселения, причем большинство из них приобрело свой статус в результате губернской реформы 1775 г. Отметим также, что некоторые поселения, назначенные при Екатерине II уездными центрами, не обладали для этого достаточным количеством населения, в связи с чем к ним присоединили близлежащие деревни. Последствием таких административных решений стало появление огромных по площади территориальных комплексов (например, Кемь – 29 тыс. дес., Усть-Сысольск – 15 [6. С. 173]). Население таких городов, по сути, состояло из приписанных к ним крестьян. Так, в 1786 г. в Кемь не проживало ни одного купца или мещанина, а среди лиц, «домы имеющих», значились государственные крестьяне (около 1 007 чел.

обоего пола), 18 церковнослужителей и 10 разночинцев [7. Л. 53 об.–54].

Административно-территориальное устройство, претерпев ряд преобразований в последней четверти XVIII в., устоялось лишь в начале XIX в. С этого времени в изучаемых губерниях насчитывалось 3 губернских и 22 уездных города. По данным на 1811 г., в Архангельске проживало 9 547 чел., в Вологде – 9 564 чел., в Великом Устюге – 7 447 чел., в Петрозаводске – 4 723 чел.; в четырех городах насчитывалось от 2 до 3 тыс. жителей (Тотьма, Каргополь, Вытегра, Усть-Сысольск), в семи – от 1 до 2 тыс. (Сольвычегодск, Мезень, Грязовец, Кемь, Холмогоры, Олонец, Онега), в шести – от 500 до 1 000 чел. (Пудож, Яренск, Никольск, Кола, Повенец, Лодейное Поле), в четырех – менее 500 чел. (Кадников, Шенкурск, Вельск, Пинега) [8. Л. 28–29, 31–43, 51–52]. К 1858 г. население Архангельска выросло до 20 807 чел., Вологды – до 16 425, Петрозаводска – до 10 648, Великого Устюга – до 8 359; среди остальных городов только в шести проживало более 2 тыс. чел. (Грязовец, Тотьма, Усть-Сысольск, Вытегра, Кадников, Каргополь), а четыре едва насчитывали 500–600 жителей (Пинега, Кола, Шенкурск, Повенец) [9. С. 1–54, 315–365; 10. С. 396–428].

Губернская реформа Екатерины II предусматривала создание во всех губернских и уездных городах особых полицейских учреждений, однако в самом Учреждении о губерниях 1775 г. их структура и полномочия не определялись (указывалось лишь, что полицейское управление возлагается на городничих) [11. С. 256–259]. Этот пробел должно было восполнить принятие Устава благочиния 1782 г., согласно которому городам полагалось иметь довольно внушительные штаты полицейских учреждений [12. С. 462]. Так, 17 марта 1783 г. было отдано распоряжение об учреждении управ благочиния в Архангельске и Вологде [13. С. 883], а 17 марта 1786 г. – в Великом Устюге [14. С. 555]. Для каждой из них определялись штатное расписание и размер содержания, ассигнуемого из казны (для Архангельской – 5 910 руб., для Вологодской – 5 490 руб., для Устюгской – 4 950 руб.).

Вывявленные в ходе исследования архивные материалы позволяют увидеть состав управ благочиния. Так, в Архангельске, разделенном в соответствии с утвержденным планом на 2 части и 10 кварталов, определялись должности обер-коменданта, городничего, двух приставов (уголовных и гражданских дел), двух частных приставов, 10 квартальных надзирателей и 10 квартальных поручиков; в составе канцелярии предусматривалось 8 должностей [15. Л. 1–1 об.]. В Вологде, разделенной также на 2 части и 10 кварталов, управа благочиния состояла из обер-коменданта, двух приставов (уголовных и гражданских дел), двух частных приставов, 10 квартальных надзирателей, 10 квартальных поручиков и 10 канцелярских служащих [16. Л. 36–36 об., 57 об.–58]. В Великом Устюге (на 2 части и 8 кварталов) назначались обер-комендант, два пристава (уголовных и гражданских дел), два частных пристава, 8 квартальных надзирателей, 8 квартальных поручиков и 6 канцелярских служащих [17. Л. 55 об.–63]. В остальных городах устройство поли-

ции основывалось на общегубернских штатах и ограничивалось должностью городничего с жалованьем 300 руб. и суммой на канцелярский расход, определенной в 130 руб., за счет которой выплачивалось и содержание канцелярским служащим (при каждом городничем полагалось не более двух канцелярских служащих) [18. С. 256]. Исключение из общего правила составляли Олонец, для которого предусматривалась должность коменданта с жалованьем 600 руб. и суммой на канцелярских служащих и расходы, определенной в 250 руб., и полиция Колы с комендантом (жалованье 600 руб.), переводчиком (200 руб.) и суммой на канцелярию в 130 руб. [Там же. С. 264].

Таким образом, к концу 1780-х гг. общая численность служащих городской полиции на Европейском Севере России составляла 170 человек: на управы благочиния Архангельска, Вологды и Устюга приходилось 97 человек, из них 24 канцелярских служащих, на остальные города – 73 человека, из них 49 канцелярских служащих [7. Л. 17 об.; 15. Л. 1–1 об.; 16. Л. 36–45, 57 об.–69 об.]. По Архангельской и Вологодской губерниям штаты в основном удавалось укомплектовать (обнаруженные в ходе исследования списки служащих на 1786 г. свидетельствуют, что вакансии были единичны). Что же касается Олонецкой губернии, то здесь ощущался значительный недостаток служащих канцелярий: в 1786 г. не менее 2/3 канцелярских должностей пребывали незаполненными. К сожалению, среди архивных документов не удалось выявить корпусы послужных списков за последнюю четверть XVIII в., которые позволили бы представить более детальный анализ состава служащих.

Павел I, придя к власти, озабочился сокращением казенных издержек на местный аппарат управления. В 1797 г. все расходы на содержание городской полиции возлагались на счет городских обществ [3. С. 117]. Однако это обнаружило проблему несостоятельности многих городов, в особенности тех, где были учреждены управы благочиния. В связи с этим последние были переименованы в городские полиции, их численность была урезана почти вдвое, сокращены расходы на содержание. Закрепить эти изменения предполагалось путем разработки новых штатов [19. С. 668–670], но, чтобы реализовать это на практике, требовалось учесть особенности городов. Губернаторам было предписано предоставить отчеты о положении полиции с предложениями по ее реорганизации [3. С. 117]. Непосредственным решением этой проблемы пришлось заниматься уже Александру I.

В донесениях губернаторов, поступавших в столицу из многих губерний, отмечалась неравномерность в организации городского полицейского управления. В частности, в них указывалось на «очевидную невозможность 10 т[ыс.] или 20 т[ыс.] народа держать в порядке одним чиновником и на том же положении, на коем управляются в малых городах 200 или 300 бедных обывательских домов» [20. Л. 4]. Причины сложившейся ситуации заключались в том, что полицейская реформа Екатерины II осталась незавершенной, управы благочиния появились далеко не во всех крупных городах, а преобразования конца XVIII в. привели

к сокращению полицейских штатов без должного организационно-правового обеспечения в изменившихся условиях. Обнаружилось, что в ряде губернских городов предписывалось иметь только одного городничего, а в тех городах, где были реорганизованы управы благочиния, полицейский аппарат оказался несоразмерен территории и численности населения. В 1803 г. был принят указ «О средствах к исправлению полиции в городах» [21. С. 947], в соответствии с которым министру внутренних дел поручалось, «собрав от всех губернаторов точнейшие известия», составить полицейское управление для всех городов «в общем плане единообразное, а в пространстве его для каждого особенное и с местным положением согласное» [20. Л. 5 об.]. В результате этой работы должны были появиться «особые штаты для каждого города, с назначением частей, кварталов, числа людей и окладов» [22. С. 224]. Однако предпринятая реорганизация затронула лишь отдельные города, главным образом крупные населенные пункты, где действовали городские полиции.

Так, 20 декабря 1804 г. новые штаты были установлены для Архангельска (город делился на две части и 6 кварталов; полицейские чины включали полицмейстера, 2 частных приставов, 6 квартальных надзирателей) [23. Л. 43], а 25 июля 1807 г. – для Вологды (город делился на три части и 6 кварталов; в состав полиции входили полицмейстер, 3 частных пристава, 6 квартальных надзирателей) [24. С. 99]. Должности в составе канцелярий в штатах не прописывались. Полицеймейстерам позволялось по своему усмотрению регулировать количество канцелярских служащих (жалованье им выплачивалось из общей суммы, выделявшейся на канцелярские расходы). Из архивных документов удалось установить, что в 1810-е гг. в Архангельской и Вологодской полициях насчитывалось по 7 канцелярских служащих [8. Л. 5, 49–49 об., 57]. Для Великого Устюга новые штаты не были разработаны, и положение полиции регулировалось на основании предписания от 8 декабря 1799 г., разделившего город на 2 части и 4 квартала. Согласно этому документу в полиции состояли полицмейстер, 2 частных пристава, 4 квартальных надзирателя, 6 канцелярских служащих [Там же. Л. 57 об.].

Во всех остальных городах сохранялся прежний упрощенный порядок формирования полиции. В них действовали городнические правления во главе с городничим, которые, так же как и полицмейстеры, самостоятельно организовывали работу своей канцелярии [25. С. 222]. Ввиду того, что средства на канцелярские расходы для этих учреждений были весьма ограничены (130 руб. в год), количество писмоводителей не превышало 2 человек либо их вовсе не содержалось. В частности, в Грязовце, Мезени, Никольске, Пинеге, Устьсысольске и Холмогорах насчитывалось по два канцелярских служащих, в Вытегре, Лодейном Поле, Олонце, Петрозаводске, Шенкурске и Яренске – по одному, в Вельске, Кадникове, Каргополе, Кемии, Коле, Онеге, Пудоже, Повенце, Сольвычегодске и Тотьме – ни одного [8. Л. 12–25, 31–43 об., 58; 26. Л. 14–72]. Последний вариант, конечно, не означал, что городничий лично писал все бумаги. Даже в небольших горо-

дах количество ежегодно производимых дел могло быть довольно значительным. К примеру, за 1811 г. в Онеге было «окончено» 355 дел, в Кемии – 376 (для сравнения, в Холмогорах, где служило два писмоводителя, – всего 4) [8. Л. 28–29]. Следует предположить, что городничие, не имевшие в своем подчинении канцелярских служащих, использовали вольнонаемных писарей, не состоявших в действительной службе, или «заимствовали» служащих из других учреждений (что было более чем удобно, поскольку обычно все присутственные места в небольших городах располагались в одном здании). Так, к Сольвычегодскому городническому правлению были прикомандированы два канцелярских служащих из уездного суда [26. Л. 46 об.–47].

Отметим, что на численность полиции, и в том числе на размеры канцелярии, в первую очередь влияли доходы города, поскольку на каждую полицию из казны полагалось выделять в Архангельской и Вологодской губерниях по 430 руб. (из них 300 руб. на жалованье полицмейстеру / городничему и 130 руб. на канцелярские расходы), в Олонецкой – 530 (450 и 80 соответственно). Основную финансовую нагрузку по обеспечению деятельности полиции несли городские общества (освещение, отопление, содержание пожарных инструментов, содержание тюремных острогов, наем низших служащих – будочников, сторожей, пожарной команды и пр.). Так, в 1805 г. общая сумма расходов на Вологодскую полицию достигала 7 000 руб. [27. Л. 37, 38]; в 1811 г. на Архангельскую – 10 000 руб. [8. Л. 5]. И в том и в другом случае эти цифры превышали городские доходы; недостающие суммы собирали с обывателей, владевших городской недвижимостью. Для прочих городов содержание полиции также было крайне затруднительным; и несмотря на то, что допускались лишь самые необходимые траты, почти повсеместно расходы превышали доходы. В 1812 г. олонецкий губернатор сообщал, что на Петрозаводскую полицию тратится не менее 5 000 руб. (при доходах города до 3 000 руб.) [Там же. Л. 31 об.]. Ввиду того, что для этого города, несмотря на статус губернского центра, особого штата не предусматривалось и полагалась только должность городничего, горожане нанимали еще частного пристава и трех квартальных надзирателей. Эти должности были учреждены сверх штата также в Вытегре, Каргополе, Пудоже и Повенце, однако здесь они являлись неоплачиваемыми и выборными (избирались «по очереди от общества») [Там же. Л. 37 об.–43 об.]. В целях экономии во всех уездных городах низшие служащие (десятские, будочники, трубачисты) также определялись «по наряду с обывательских домов».

В 1818 г. состояние городской полиции вновь обсуждалось в центральном правительстве, однако на этот раз пристальное внимание было обращено на организацию пожарной части, которая признавалась неудовлетворительной («хотя в губернских городах и содержатся пожарные инструменты, но без всякого устройства сей важной части» [28. Л. 2]). Александр I распорядился вновь «определить по местному соображению всех обстоятельств» число кварталов и частей по каждому городу, «а с тем вместе и приличное число

полицейских чиновников», и «чтобы в каждом городе был при полиции брандмейстер и при нем два ученика» [Там же]. На практике этот указ не привел к каким-либо изменениям в составе полиции северных городов. В ряде городов, в первую очередь крупных, должность брандмейстера уже существовала, однако она не входила в штатные расписания городской полиции (в Архангельске нанимали двух брандмейстеров, в Вологде – одного, в Каргополе – один «наряжался» от общества, в Тотьме брандмейстер появился после значительного пожара 1815 г., истребившего большую часть городских строений). После 1818 г. брандмейстеры были включены только в штаты для крупных городов; в изучаемом регионе к таковым относились Архангельск и Вологда. В начале 1820-х гг. правительство также озаботилось состоянием тюрем; в частности, предписывалось при каждом остроге определить смотрителя, который формально хотя и не входил в штат городской полиции, но относился к числу городских полицейских чинов [29. С. 409]. Однако на регулярной основе эти должности стали замещаться только десятилетие спустя, после вступления в силу «Инструкции смотрителю тюремного замка» от 9 апреля 1831 г.

Во второй четверти XIX в. контроль за состоянием городской полиции был усилен. При этом основной задачей правительства Николая I стало приведение в действие законоположений, принятых в предшествовавшее царствование. В первую очередь речь идет о разработке штатных расписаний с учетом особенностей и нужд городов, а также об упорядочении финансового обеспечения и согласовании расходов на полицию с доходами городов. Изменения не были единовременными и вводились постепенно на протяжении всей второй четверти XIX в.

В первые годы правления Николая I особое внимание было обращено на положение канцелярских служащих, чьи должности не входили в штатные расписания, а материальное положение было весьма тяжелым. В 1827 г. в связи с вступлением в силу известного «Положения о канцелярских служащих» [30. С. 895–897] были собраны сведения о «штатах канцелярских служащих» местных учреждений, в том числе городских полиций. В соответствии с новыми правилами организации службы этой категории служащих губернаторам было предложено представить «проекты» их штатов и «примерное исчисление» казенных сумм, необходимых для их содержания [31. Л. 1–2 об.]. Полученные с мест ведомости заметно различались. Из Олонецкой губернии, где нехватка канцелярских служащих ощущалась особенно остро, поступили довольно подробные сведения, характеризующие плачевное состояние канцелярий: из семи городнических правлений только в Вытегорском и Лодейнопольском состояло по одному штатному канцелярскому служащему, в остальных письмоводители были «вольнонаемные» (т.е. лица, не находившиеся на действительной службе) [32. Л. 9–9 об.]. Олонецкий губернатор полагал, что для нормального функционирования полиции требовалось 22 канцелярских служащих (в Петрозаводске, Олонце, Вытегре и Каргополе – по 4, в Лодейном Поле, Пудоже и Повенце – по 2), на содержание которых

из казны просил выделять ежегодно 10 154 руб. [Там же. Л. 4 об.]. Вологодский губернатор сообщил, что «в Вологодской полиции состоит шесть канцелярских служащих, в Устюгской три, в прочих осьми полициях находится не более как по одному» (итого – 17 человек); на их жалованье и канцелярский расход употреблялось 4 370 руб. (из них 1 300 руб. из казны) [33. Л. 14–14 об.]. В проекте штата он предложил увеличить количество канцелярских служащих до 31 человека (в Вологодской – 9, Устюгской – 6, в остальных по два) с казенным содержанием в 5 960 руб. [Там же. Л. 3 об.–4].

В свою очередь, архангельский губернатор указал, что по всем полициям насчитывается 24 человека (в Архангельской – 10, в остальных по два), расход составляет 5 550 руб. [31. Л. 10–10 об., 12]. Очевидно, что в этой справке он решил выдать желаемое за действительное, поскольку Архангельская губерния испытывала не меньшие, чем Олонецкая, трудности с канцелярскими служащими, а бедность уездных городов не позволяла содержать канцелярии из двух человек; соответственно, их реальное число было гораздо меньше. В частности, в 1832 г. архангельский губернатор в представлении к министру внутренних дел сообщал, что «сверх недостающего по штатам числа чиновников и канцелярских служащих, простирающегося до 140 человек, состоит в губернии совершенный недостаток по многим местам в опытных и способных для дел по службе чиновниках и канцелярских служащих от недостаточного по службе получаемого жалованья, особенно же в тех присутственных местах, где оно менее положено...»; к числу последних, конечно, относились и городнические правления [34. Л. 1 об.]. При этом в предложенном губернатором проекте штата предлагалось только расширить штат канцелярии Архангельской полиции до 11 человек и увеличить общий «казенный» расход до 10 950 руб. [Там же. Л. 6–6 об.].

Собранные со всей империи сведения по канцелярским служащим учитывались при разработке новых, более подробных штатных расписаний, включавших не только служащих канцелярий, но и полицейские нижние команды и пожарных. При этом, как и в предыдущие десятилетия, особые штаты полагались только для крупных городов, а для прочих – единое унифицированное расписание. Так, 24 апреля 1829 г. было принято новое положение «Об устройстве полиции и пожарной части, и о доходах и расходах в городе Вологде» [35. С. 272–278]. Согласно этому документу штат полиции включал 19 человек: полицмейстера, 3 частных приставов, 6 квартальных надзирателей, 9 канцелярских служащих. На содержание полиции было определено 14 355 руб. 94 коп. Отметим, что одновременно с этим расписанием были введены в действие новые правила по регулированию доходов и расходов города: «статьи доходов» должны были учитывать и перекрывать расходы на полицию.

В 1835 г. для городнических правлений был утвержден единый штат из трех человек (городничий, письмоводитель и писец) и из казны назначены добавочные суммы на его содержание: отныне городничему

полагалось жалование 1 000 руб., письмоводителю – 500, писцу – 300, а также 200 руб. на канцелярские расходы [36. С. 181]. В 1836 г. эти расходы были закреплены в «Расписании о суммах, потребных на содержание городских полиций» [37. Отд. 2. С. 293–294]. В этом документе среди рядовых уездных городов указывался и Великий Устюг, несмотря на то что сохранялся прежний состав его полиции из 13 человек [38. Л. 16–16 об.]. Это означало, что на расходы ему, так же как и другим уездным городам, назначалось от казны только 2 000 руб., а остальные издержки компенсировались по-прежнему за счет городского общества.

Примечательно также, что в «Расписание» не попал Петрозаводск. В тексте указа, сопровождавшего «Расписание», отмечалось, что «во многих губернских и уездных городах, в коих на полиции не издано еще штатов... оказалось состоят частные приставы и квартальные надзиратели, определенные по распоряжению местных губернских начальств в большем или в меньшем количестве, с складами разнообразными» [37. Отд. 1. С. 632]. В связи с этим губернаторам поручалось «войти в ближайшее соображение потребного числа сих чиновников в каждом городе, судя по населению и обширности городов, количеству возникающих дел и по способам городских доходов», и представить свои предложения по устройству полиции «с проектами штатов и положением о городских доходах и расходах» [Там же]. Очевидно, к числу таких городов относился и Петрозаводск. Среди архивных документов и материалов законодательства не удалось обнаружить утвержденного по итогам этой работы штатного расписания. Однако установлено, что с 1840-х гг. оно включало городничего (с 1847 г. переименован в полицмейстеры [39. С. 523]), частного пристава, 3 квартальных надзирателей, 3 канцелярских служителей [40. Л. 181 об.–208; 41. Л. 343 об.–362]. Иными словами, в новых штатах Петрозаводского городнического правления был зафиксирован сложившийся на практике состав полиции.

По штатному расписанию Архангельской городской полиции от 7 ноября 1844 г. предусматривалось 30 служащих: полицмейстер, пристав гражданских дел, пристав уголовных дел, 2 заседателя от купечества, 2 частных пристава, 7 квартальных надзирателей, секретарь, 15 канцелярских служащих. На содержание полиции требовалось 10 514 руб. 37,5 коп. серебром [42. С. 248–249].

Вводившиеся во второй четверти XIX в. штатные расписания позволяют увидеть, что практика организации полицейских учреждений и специфика городских поселений учитывались лишь по отношению к отдельным городам, преимущественно губернским. При этом при регулировании численности и состава городской полиции принимались во внимание предложения, в разное время поступающие в центр от губернских начальников (генерал-губернаторов и губернаторов [8. Л. 5–8 об., 31–33, 49–49 об.; 31. Л. 6 об.; 32. Л. 4 об.; 33. Л. 3 об.; 43. Л. 1–4]). Однако для основной массы городов был предложен унифицированный состав полиции с минимальным числом служащих. Исключения из общего правила не допускались даже для

тех из них, которые еще в конце XVIII в. получили отдельные штатные расписания и, по мнению губернской администрации, требовали особого внимания. Так, в 1840-е гг. не единожды Великоустюгская полиция представляла на рассмотрение начальства рапорты с ходатайством о пересмотре штата, указывая на недостаточное число канцелярских служителей, приводящее к медленному течению дел. Однако добиться удовлетворения этой просьбы в изучаемый период так и не удалось, даже несмотря на то, что городское общество выражало готовность взять на себя расходы на дополнительные штатные единицы по канцелярии [44. Л. 15–19].

Таким образом, всего на Европейском Севере в первой половине XIX в. функционировали 3 городские полиции (Архангельск, Вологда и Великий Устюг) и 22 городнических правления (7 в Архангельской губернии, 8 в Вологодской и 7 в Олонецкой). Общее число штатных должностей было весьма скромным: в начале XIX в. – 90 (в Архангельской губернии – 30, в Вологодской – 46, в Олонецкой – 14), в середине века – 128 (46, 56 и 26 соответственно). Следовательно, за полвека рост составил 30%. Среди служащих выделялись собственно полицейские (полицмейстеры, городничие, частные приставы, квартальные надзиратели), численность которых увеличилась с 48 до 53 человек, и канцелярские служители (с 42 до 75 человек). Во второй четверти XIX в. почти во всех городах имелись штатные должности смотрителей тюремных замков, а при полициях Архангельска и Вологды еще и брандмейстеров, на которые часто назначались отставные военные, выслужившие обер-офицерские чины.

Архивные материалы позволяют увидеть, что реальная численность служащих городских полиций, для которых действовали отдельные штатные расписания, в основном соответствовала предполагаемой правительством. Расхождение выявлено только в составе Вологодской полиции, где в первой четверти XIX в. служили не 6, а 7–8 квартальных надзирателей [45. Л. 79 об.–83; 46. Л. 238 об.–247]. Что касается городнических правлений, то здесь наблюдается значительная разница. Если заполнить должности городничих в основном удавалось, чему, несомненно, способствовало то, что эти места с 1816 г. замещались по назначению Александровского комитета о раненых из «отставных за ранами» офицеров [47. Л. 1–12 об.; 48. С. 637], то канцелярских служителей почти повсеместно не хватало. Как уже отмечалось, при Александре I численный состав канцелярий в штатах не определялся, а их материальное обеспечение было явно недостаточным. Особенно сильно эта проблема ощущалась в отдаленных уездных городах, куда суровые северные условия и мизерное жалование не привлекали служащих. Так, в первой четверти XIX в. предполагалось, что при городничих должен служить минимум один письмоводитель, но на практике городнические правления почти в половине северных городов вообще не располагали канцелярскими служителями. Во второй четверти XIX в. с изданием новых штатов правительство связывало надежды на то, что положение присутственных мест в северных губерниях будет улучшено

и «места сии получают способы приобретать для своих канцелярий чиновников и служителей опытных и способных» [34. Л. 13 об.]. Установление фиксированных окладов и выплат на «паек и обмундирование» сделало канцелярскую службу более привлекательной. Кроме того, в этот период постепенно вводились льготы для желающих отправиться на службу в отдаленные губернии [49. С. 137–139]. Так, если в 1827 г. по всем городническим правлениям Олонецкой губернии насчитывалось всего 2 канцелярских служителя, то к 1844 г. вакантными пребывало 5 из 15 канцелярских должностей.

Состав служащих городской полиции позволяют проанализировать выявленные в ходе исследования групповые формулярные списки по северным губерниям, сохранившиеся в РГИА (изучены материалы за 1800-е (по Архангельской губернии за 1807 г., по Вологодской – за 1806 г. и по Олонецкой – за 1803 г.), 1826, 1844 и 1850 гг. [40. Л. 181 об.–264; 41. Л. 343 об.–422; 45. Л. 77 об.–85, 91 об.–92, 98 об.–99, 106 об.–108, 115 об.–116, 124 об.–129, 136 об.–138, 147 об.–149, 156 об.–157, 165 об.–167; 46. Л. 233 об.–250, 254 об.–257, 285 об.–290, 317 об.–326, 345 об.–349, 377 об.–385, 428 об.–431, 445 об.–452, 470 об.–474; 50. Л. 91 об.–92, 103 об.–105, 115 об.–116, 126 об.–129, 141 об.–142, 154 об.–156, 165 об.–166; 51. Л. 141 об.–150, 163 об.–164, 173 об.–174, 183 об.–184, 195 об.–196, 207 об.–208, 219 об.–220, 233 об.–234; 52. Л. 160 об.–189; 53. Л. 120 об.–140; 54. Л. 214 об.–279; 55. Л. 304 об.–432; 56. Л. 95 об.–100, 105 об.–108, 113 об.–117, 167 об.–172, 187 об.–213, 265 об.–270, 310 об.–312, 314 об.–318, 408 об.–413, 418 об.–421, 478 об.–481, 500 об.–514, 528 об.–531, 645 об.–649, 651 об.–667, 685 об.–692, 751 об.–760, 809 об.–821, 853 об.–856; 57. Л. 349 об.–588]). Результаты обработки этих документов представлены в табл. 1–4. Следует уточнить, что указанные источники в основном содержат сведения о чиновниках, а служащие, не имевшие классных чинов (так называемые канцелярские служители), попадали в них лишь в порядке исключения (такие данные обнаружены в групповых формулярных списках по Олонецкой губернии за 1803 и 1844 гг. и Архангельской губернии за 1844 г.). В законодательстве и делопроизводственной документации первой половины XIX в. понятия «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» различались. И те и другие состояли на службе в канцеляриях учреждений, однако канцелярские чиновники, в отличие от служителей, имели классные чины и, соответственно, попадали в групповые формулярные списки, ежегодно поступающие в Сенат. Канцелярские служители чинов не имели; они носили канцелярские звания: «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее). Также отметим, что в групповые формулярные списки включали чиновников, пребывавших на должностях брандмейстеров и смотрителей тюремных замков, и не вносили лиц, составлявших полицейские нижние и пожарные команды, а также вольнонаемных лиц.

В табл. 1 представлено сословное происхождение служащих городской полиции. При объяснении полученных показателей нужно учитывать два фактора: специфику комплектования полицейских учреждений

и состав населения изучаемых губерний. Специфика комплектования выражалась в том, что на полицейские должности, в первую очередь полицмейстеров и городничих, правительство в основном определяло отставных военных офицеров, среди которых, с одной стороны, был высок удельный вес дворян, а с другой – встречались выходцы из самых разных сословий, в том числе податных (крестьяне, мещане, солдаты, иностранцы), кому удалось отличиться на военной службе и выслужить классные чины. С 1816 г. все должности полицмейстеров и городничих замещались по определению Александровского комитета о раненых, о чем уже упоминалось [47. Л. 11 об.]. Кроме того, на должности смотрителей тюремных замков, как правило, назначались вышедшие в отставку военные нижние чины, некогда поступившие на службу рекрутами (обычно из крестьян и солдат) и по выслуге узаконенных лет награжденные первым классным чином. Действовавшие принципы комплектования полицейских учреждений находят наглядное отражение в табл. 1.

Несмотря на то, что речь идет о «недворянских» губерниях, удельный вес потомственных дворян довольно высокий. В начале XIX в. он составлял 36,8%, в середине века – 22,8%, что произошло не из-за снижения абсолютных показателей (как в начале, так и в середине века дворяне в основном представлены на должностях полицмейстеров и городничих, численность которых оставалась неизменной), а за счет увеличения количества канцелярских служителей в составе городской полиции. Особое внимание следует обратить на показатели в графе «прочие». В эту категорию объединены представители разных социальных групп (в большинстве своем податные сословия), для которых действовали ограничения при поступлении на гражданскую службу, а после издания указа 1827 г. доступ на службу и вовсе был закрыт [30]. Их удельный вес среди служащих городской полиции, варьировавшийся от 14,3 до 22,7%, представляется весьма значительным. Такие нехарактерные для состава гражданских служащих показатели связаны именно с тем, что на полицейские должности попадали бывшие военные. Выходцы из крестьян, мещан, солдат чаще назначались квартальными надзирателями, брандмейстерами и тюремными смотрителями, редко – полицмейстерами и городничими.

Второй фактор, который следует учитывать при интерпретации показателей, представленных в табл. 1, – состав населения изучаемых губерний, что непосредственно отражалось на сословном происхождении лиц, занимавших канцелярские должности, среди которых доминировали представители духовенства, обер-офицерские дети и дети приказных служителей. Последние две категории, которые рассматривались правительством как один из главных источников кадрового пополнения местных учреждений, в общей сложности насчитывали от 20 до 40% в составе служащих городской полиции. Обер-офицерские дети и дети приказных служителей были детьми гражданских служащих; различались они тем, что первые были детьми классных чиновников, не выслуживших потомственное дворянство, вторые – детьми лиц, не имевших класс-

ных чинов. Схожие показатели были характерны и для других провинциальных учреждений, причем не только в изучаемых губерниях [58. С. 77–78], что следует рассматривать как постепенную профессионализацию кадрового состава местных органов власти. В большинстве своем «потомственные» служащие состояли в канцеляриях городской полиции. Если в уездных учреждениях они, в первую очередь обер-офицерские дети, пройдя все ступени канцелярской службы, не-

редко добивались назначения на ключевые посты, то в городских полициях вершиной их карьеры являлись должности частных приставов и квартальных надзирателей. Что касается детей священно- и церковнослужителей, то они также в основном состояли в канцеляриях городской полиции. При этом большая их часть приходится на учреждения Вологодской губернии, где удельный вес духовенства в составе населения был довольно значительным.

Таблица 1

Сословное происхождение служащих городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	Дворянство		Дети обер-офицеров		Духовенство		Дети приказных служителей		Прочие		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	25	36,8	8	11,8	15	22,0	6	8,8	14	20,6	68	100
1826	22	34,9	16	25,4	6	9,5	10	15,9	9	14,3	63	100
1844	29	33,0	15	17,0	16	18,2	8	9,1	20	22,7	88	100
1850	24	22,8	26	24,8	31	29,5	7	6,7	17	16,2	105	100

Примечание. В таблице выделено 5 групп: 1) потомственные дворяне; 2) дети личных дворян (дети «обер-офицеров»); 3) дети канцелярских, или приказных, служителей; 4) духовенство (дети священно- и церковнослужителей); 5) прочие социальные группы, представители которых на гражданской службе были малочисленны (выходцы из купечества, мещанства, крестьянства, иностранцы, дети унтер-офицеров и солдат, дети низших служителей гражданского, военного, почтового и духовного ведомств, дети из воспитательных учреждений и др.).

Таблица 2

Возрастной состав чиновников городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	До 20 лет		21–30 лет		31–40 лет		41–50 лет		Свыше 50 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	1	1,6	24	37,5	21	32,8	14	21,9	4	6,2	64	100
1826	0	0,0	23	36,5	24	38,1	8	12,7	8	12,7	63	100
1844	0	0,0	19	24,0	21	26,6	18	22,8	21	26,6	79	100
1850	0	0,0	26	25,0	25	24,1	30	28,8	23	22,1	104	100

В табл. 2 представлен возрастной состав служащих городской полиции северных губерний. Чтобы информация за разные годы была сопоставимой, в подсчеты включены данные только о чиновниках (канцелярские чиновники, попавшие в групповые формулярные списки за 1803 и 1844 гг., не учитывались). В первой четверти XIX в. состав служащих был довольно молодым. В начале века 70% чиновников были в возрасте от 21 до 40 лет; средний возраст составлял 35 лет. К 1826 г. удельный вес лиц не старше 40 лет превысил 74%, а средний возраст равнялся 36,5. Эти показатели в целом соответствуют общим тенденциям в динамике возрастного состава гражданских служащих северных губерний. Но если в отношении иных учреждений это свидетельствует о произошедшей к 1826 г. «смене поколений» служащих (когда молодое поколение сменило лиц, заполнивших присутственные места в ходе губернской реформы 1775 г.), то в случае с городской полицией этот тезис будет справедлив лишь применительно к тем, кто изначально выстраивал свою карьеру в гражданских учреждениях. Бывшие военные приходили в городскую полицию уже в зрелом возрасте, что заметно отразилось на общей статистике, особенно к середине века, когда в целом по местным учреждениям наблюдалось омоложение состава и наметилась очередная смена поколений [59. С. 348; 60. С. 28]. Однако возрастной состав служащих городской полиции в 1844–1850 гг. отражает иную тенденцию: 50–53% чиновников относились к категории от 31 до 50 лет,

а доля лиц старше 50 лет составляла 22–26%; средний возраст достиг 40–41 года.

Если рассматривать состав служащих по каждой из губерний, то обнаруживаются различия в показателях. Так, средний возраст служащих архангельских городских полиций в первой четверти XIX в. составлял 34 года, в 1844 г. – 40, в 1850 г. – 43; вологодских – 36, 40 и 41 соответственно. Эти данные можно признать сопоставимыми и не противоречащими общей динамике. По Олонецкой губернии наблюдалась иная картина, отражающая проблемы с кадровым обеспечением. В 1803 г., когда при открытии губернии учреждения удалось укомплектовать, средний возраст равнялся 35 годам. В 1810–1820-е гг. присутственные места функционировали в условиях острой нехватки канцелярских служителей, и в материалах по учету чиновничества за 1826 г. по всем городническим правлениям насчитывалось только 6 чиновников – все они занимали должности городничих, а их средний возраст составлял 46 лет. К середине XIX в. кадровое обеспечение олонечких учреждений заметно улучшилось (этому способствовал целый комплекс мероприятий, в том числе введение преимуществ по службе [49], численность полицейских чиновников возросла в несколько раз, наметилось постепенное омоложение их состава (средний возраст в 1844 г. равнялся 43 годам, в 1850 г. – 40).

Еще раз отметим, что при подсчетах среднего возраста не учитывались сведения о канцелярских служи-

телях, которые в основной своей массе были молодыми людьми, не достигшими 25 лет. В связи с этим и средний возраст работников канцелярии (и чиновников, и нечиновников) составлял 30 лет, в то время как основные полицейские должности занимали более зрелые лица (средний возраст – 40–45 лет).

Как уже стало понятным, к особенностям состава служащих городской полиции следует отнести весомое представительство среди них отставных военных: в 1800-е гг. их удельный вес достигал 50%, в 1826 г. – 40%, в 1844 г. – 43%, в 1850 г. – 28%. Назначение таковых лиц на полицейские должности являлось одним из способов решения кадровой проблемы в провинции, что в особенности было актуально для Европейского Севера. Однако остальная часть чиновников, конечно, начинала карьерный путь с низших канцелярских должностей. Отметим также, что значительная часть служащих полиции не являлась уроженцами изучаемых губерний, причем речь идет не только о назначаемых сюда отставных военных. Хронический недостаток служащих, в особенности сильно ощущавшийся по Олонецкой и Архангельской губерниям, вынуждал правительство искать способы к заполнению вакантных мест. Часть чиновников была переведена в северные губернии по назначению правительства. Во второй четверти XIX в. на канцелярские должности в Олонецкую губернию стали направлять воспитанников из особо учрежденных при Ярославском и Полтавском приказах общественного призрения отделений для подготовки писцов. Особую роль в привлечении кадров сыграли указы 1828, 1832, 1839, 1844 гг., устанавливавшие льготы и преимущества для желающих отправиться на службу в северные губернии [49].

Наконец, были и такие лица, которые по своей воле или вопреки ей приезжали в северные губернии и просили о назначении на службу. В частности, перевода в северные губернии искали чиновники, полагавшие, что это будет способствовать их карьерному продвижению. В одних случаях это были лица, надеявшиеся

в условиях кадрового голода северных губерний добиться назначения на более высокие посты, чем те, на которые они могли рассчитывать на своем прежнем месте службы, в других – проштрафившиеся чиновники, понимавшие, что в своей губернии их дальнейшая служба будет затруднена. Также в северные губернии административным порядком высылались лица под надзор полиции, которые в определенных случаях добивались определения на службу (к примеру, служивший в 1844 г. частный пристав Петрозаводского городнического правления И.В. Мазнев). В целом к уроженцам изучаемых губерний в 1800-е гг. относились 42,7% от всех учтенных в групповых формулярных списках служащих городской полиции, в 1826 г. – 60,3%, в 1844 г. – 39,8%, в 1850 г. – 56,2% (по Архангельской губернии эти показатели составляли 37,5, 66,7, 23,1 и 37,0 соответственно; по Вологодской – 44,7, 66,7, 69,4 и 71,7; по Олонецкой – 42,9, 0,0, 14,8 и 33,3).

В первой четверти XIX в. возраст поступления на службу не был законодательно определен, как и установлен срок исчисления действительной службы. В табл. 3 на основе групповых формулярных списков представлены данные о возрасте поступления на службу служащих городской полиции северных губерний. Как видно, практически у каждого третьего чиновника начало карьеры пришлось на самый юный возраст (до 13 лет). После издания указа от 14 октября 1827 г., установившего нижнюю возрастную границу поступления на службу в 14 лет [30. С. 896], в канцелярии присутственных мест перестали принимать малолетних лиц. Все чиновники, попавшие в графу «до 13 лет» за 1844 и 1850 гг., начали службу до издания названного указа. Верхних возрастных границ для службы не устанавливалось. Большинство чиновников уходило в отставку тогда, когда физически не могло выполнять свои обязанности. Установлено, что удельный вес лиц старше 50 лет на протяжении изучаемого периода постепенно возрастал: с 6% в начале века до 22% в середине.

Таблица 3

Возраст поступления на службу служащих городской полиции северных губерний России (первая половина XIX в.)

Годы	До 13 лет		14–20 лет		Свыше 20 лет		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1800-е	21	30,9	46	67,6	1	1,5	68	100
1826	18	28,6	37	58,7	8	12,7	63	100
1844	14	15,9	61	69,3	13	14,8	88	100
1850	11	10,5	78	74,3	16	15,2	105	100

При исследовании кадрового состава нельзя обойти вниманием уровень образования служащих. На протяжении почти всего изучаемого периода внесение сведений об образовательном уровне в формулярные списки чиновников не являлось обязательным требованием, поэтому при поступлении на службу, как правило, эта информация не предоставлялась. Конечно, в отдельных формулярных списках содержатся упоминания об образовании, но это наблюдается в основном у лиц, посещавших высшие или специальные учебные заведения (такие как горное училище, кадетские корпуса и т.п.), и без уточнения, удалось ли служащему выдержать полный курс обучения. После издания указа от 25 июня 1834 г., связавшего скорость приобрете-

ния чинов с уровнем образования [61], в послужные списки стали вносить сведения о высшем и среднем образовании. Однако незаконченное среднее и низшее образование, не оказывавшие влияния на приобретение чинов и замещение должностей, по-прежнему не отмечались. Лишь в 1849 г. в законодательстве было закреплено требование об обязательном упоминании в формулярном списке сведений об образовательном уровне служащего (если служащий не посещал никаких учебных заведений, делалась пометка, что он получил домашнее воспитание) [62. С. 160–161]. В связи с изложенным получить наиболее полные и достоверные сведения относительно уровня образования представляется возможным только на середину XIX в.

По данным табл. 4, удельный вес лиц, посещавших высшие учебные заведения и имевших аттестат о законченном среднем образовании (гимназии, семинарии, кадетские корпуса, благородные пансионы), составлял 16,2% по всем губерниям. В то же время доля служащих, получивших домашнее и низшее образование, достигала 64,7%. Следует предположить, что в предшествующие десятилетия, когда уровень образования не был связан с чинопроизводством, последний пока-

затель был гораздо выше. Представленные в табл. 4 показатели, как и результаты исследования по другим местным учреждениям Европейского Севера России [59. С. 352–356; 60. С. 30–31], свидетельствуют, что в первой половине XIX в. при общем дефиците квалифицированных кадров для большинства чиновников служебные перспективы определялись не уровнем профессиональной подготовки, а сословным происхождением, опытом службы и личными качествами.

Таблица 4

Образовательный уровень служащих городской полиции северных губерний России в 1850 г.

Губерния	Домашнее образование		Низшее образование (законченное, незаконченное)		Среднее незаконченное образование		Среднее законченное образование		Высшее образование (законченное, незаконченное)		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Архангельская	13	48,1	5	18,6	6	22,2	3	11,1	0	0,0	27	100
Вологодская	10	16,7	28	46,7	13	21,7	8	13,3	1	1,6	60	100
Олонецкая	8	44,4	4	22,2	1	5,6	5	27,8	0	0,0	18	100
Всего	31	29,5	37	35,2	20	19,1	16	15,2	1	1,0	105	100

Подводя итог, отметим, что в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. организация деятельности городской полиции в северных губерниях России представляла собой непростую задачу для центрального правительства. Мысль о том, что полицейское управление для всех городов должно быть «в общем плане единообразное, а в пространстве его для каждого особенное и с местным положением согласное», поддерживалась верховной властью на протяжении всего изучаемого периода, однако воплотить ее в жизнь едва ли удалось даже к середине XIX в.

Главной проблемой, непосредственно влиявшей на состав и численность городской полиции, являлось ее финансовое обеспечение, требовавшее согласования казенных издержек с расходами и доходами городов, несшими основную нагрузку по организации деятельности полицейских команд. Стремление к экономии государственных расходов и бедность большинства северных городов отодвигали на второй план идею о соразмерности полицейского аппарата территории и численности населения городов. В таких условиях правительство избрало путь разработки особых штатов только для крупных городов, к которым в изучаемых губерниях относились Архангельск, Вологда, Великий Устюг, позднее – Петрозаводск, а для прочих предлагало единое унифицированное расписание.

Выявленные в ходе исследования документы позволили установить, что к концу 1780-х гг. общая численность служащих городской полиции на Европейском Севере России составляла 170 человек, но уже к началу XIX в. в целях экономии казенных средств она была сокращена до 90 человек, что на практике оказалось явно недостаточным для нормального функциониро-

вания учреждений; особенно ощутимым был недостаток канцелярских служащих. Пересмотр штатных расписаний и увеличение казенных ассигнований на содержание городской полиции во второй четверти XIX в. позволили несколько увеличить численность служащих, которая к середине века достигла 128 человек. На состав полицейских чиновников влияли, с одной стороны, принципы комплектования изучаемых учреждений, а с другой – специфика северных губерний. На основные полицейские должности правительство предпочитало назначать отставных военных (их доля в составе служащих варьировала от 28 до 50%), среди которых был высок удельный вес дворян, а также встречались выходцы из других сословий, в том числе податных. В то же время на канцелярских должностях в основном состояли представители духовенства, обер-офицерские дети и дети приказных служащих. Служебные перспективы определялись сословным происхождением, опытом службы и личными качествами, а не уровнем профессиональной подготовки, который и к середине XIX в. для большинства чиновников оставался крайне низким.

В первой четверти XIX в. городская полиция, как и другие местные учреждения северных губерний, функционировала в условиях хронической нехватки служащих, в особенности сильно ощущавшейся по Олонецкой и Архангельской губерниям, что вынуждало правительство изыскивать способы к заполнению многочисленных вакансий. Заметного улучшения кадрового обеспечения удалось добиться лишь во второй четверти XIX в. благодаря изменениям в организации городского полицейского управления, а также комплексу мероприятий, направленных на привлечение служащих из других губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. СПб. : СПбУ МВД России, 2018. 1860 с.
2. Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2000. 249 с.
3. Седунов А.В. Псковская городская полиция в XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 238 с.
4. Чернова И.В. Томская городская полиция в конце XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 181 с.

5. Евтехов Р.А. Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2017. 237 с.
6. Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Рязань, 2012. С. 168–176.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1261. Оп. 12. Д. 134.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1 б.
9. Городские поселения в Российской империи. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. Т. 1. XVI, 466 с.
10. Городские поселения в Российской империи. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1863. Т. 3. VIII, 684 с.
11. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г. : в 45 т.] (ПСЗ–I). СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 20. № 14392.
12. Устав Благодетельства, или Полицейский от 8 апреля 1782 г. // ПСЗ–I. Т. 21. № 15379.
13. О ежегодном отпускном сумм на содержание полиции в городах Ярославле, Вологде и Архангельске : указ от 17 марта 1783 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 21. № 15689.
14. Об учреждении управы благочиния в городе Великом Устюге : указ от 17 марта 1786 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 22. № 16353.
15. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 326.
16. РГАДА. Ф. 1261. Оп. 12. Д. 41.
17. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1799 г. Д. 41.
18. Общий свод штатов наместничеств и губерний в царствование государыни императрицы Екатерины II // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 17494.
19. Об устройстве градских полиций в губернских городах : указ от 31 мая 1799 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 25. № 18985.
20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 а.
21. О средствах к исправлению полиции в городах : указ от 24 октября 1803 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 27. № 21007.
22. Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени. СПб. : Тип. МВД, 1872. VI, IV, 238 с.
23. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. 1803 г. Д. 32 б.
24. Высочайше утвержденный штат Вологодской полиции от 25 июля 1807 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 22992.
25. Общий штат уездных присутственных мест // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 44, ч. 2, отд. 4. К № 24985.
26. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 406.
27. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 165.
28. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2539.
29. Об определении смотрителей острогов из полицейских чиновников : указ от 10 августа 1820 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 37. № 28375.
30. О канцелярских служителях гражданского ведомства : указ от 14 октября 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. : в 55 т.] (ПСЗ–II). СПб. : Тип. II Отд. С.Е.И.В.К., 1830. Т. 2. № 1469.
31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-1.
32. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-29.
33. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1827 г. Д. 218-7.
34. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1832 г. Д. 175.
35. Об устройстве полиции и пожарной части, и о доходах и расходах в городе Вологде : указ от 24 апреля 1829 г. // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 4. № 2841.
36. О добавочных суммах на подведомственные Министерству внутренних дел места : указ от 28 февраля 1835 г. // ПСЗ–II. СПб., 1836. Т. 10, отд. 1. № 7910.
37. О добавочных суммах на содержание канцелярий гражданских губернаторов, губернских правлений и городских полиций : указ от 29 мая 1836 г. // ПСЗ–II. СПб., 1837. Т. 11. № 9240.
38. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 494.
39. О переименованиях начальников городских полиций : указ от 9 июня 1847 г. // ПСЗ–II. СПб., 1848. Т. 22, отд. 1. № 21305.
40. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 514. Ч. 2.
41. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6972.
42. Высочайше утвержденный штат Архангельской полиции от 7 ноября 1844 г. // ПСЗ–II. СПб., 1845. Т. 19, отд. 2. № 18411.
43. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3751.
44. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1059.
45. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1806 г. Д. 37.
46. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 129.
47. РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1748.
48. О замещении мест, показанных в приложенной у сего записке, ранеными офицерами : указ от 5 мая 1816 г. // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 33. № 26255.
49. Плех О.А. Привлечение кадров на службу в российской провинции в первой половине XIX в. (на материалах Европейского Севера) // История федерализма в России : к 100-летию образования автономной Башкирской республики : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Стерлитамак, 2 ноября 2018 г. / отв. ред. Н.С. Мысляева. Стерлитамак : Стерлитамак. филиал БашГУ, 2018. С. 131–142.
50. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803 г. Д. 54.
51. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1807 г. Д. 26.
52. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 113.
53. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1826 г. Д. 133.
54. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 470. Ч. 2.
55. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 473. Ч. 3.
56. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 149.
57. РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 7771.
58. Иванов В.А. Социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX века как отражение политики правительства в области формирования чиновничества // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 1 (56), вып. 9. С. 73–79.
59. Плех О.А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 с.
60. Плех О.А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 15–52.
61. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе от 25 июня 1834 г. // ПСЗ–II. СПб., 1835. Т. 9, отд. 1. № 7224.
62. О форме послужного списка для гражданских лиц : указ от 16 июля 1849 г. // ПСЗ–II. СПб., 1861. Т. 24, отд. 2. № 23401.

Olesya A. Plekh, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: plekh@mail.ru

CITY POLICE STAFFING IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE LAST QUARTER OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY

Keywords: staff, city police, officialdom, civil service, European North of Russia.

The article deals with number and composition of city police of the three provinces of the European North of Russia (Arkhangelsk, Vologda and Olonets) in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century. The study is based on published normative legal acts and archival documentation. During the examination of city police staff composition a significant amount of formulary lists for the Northern provinces in the 1800s, 1826, 1844 and 1850, stored in the Fund 1349 of the State Archive of the Russian Federation was examined.

The materials presented in the article made it possible to reveal that in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX century there was no unified scheme of organization of the city police. The establishment of these institutions was a long and uneven process, influenced on the one hand by the state's desire to organize a police departments that would meet the challenges and needs of urban citizens, and on the other hand it had to be fulfilled by means of resources and capacities of the cities themselves, which often were very limited.

When regulating the size and composition of the city police, the government sought to keep balance between bureaucratic interests and needs of urban citizens. Special staff lists for police were developed for cities, the rest communities received unified staff lists. Archival documents reveal that by the end of the 1780s total amount of city police employees was 170 people, but by the beginning of the XIX century it was reduced to an amount of 90 people, which in practice was clearly insufficient for regular functioning. A revision of staff schedules and the increase in state allocations in the second quarter of the nineteenth century allowed to increase slightly a number of employees, which by the middle of the century reached 128 people.

The composition of police officials was influenced by the principles of recruitment of the studied institutions and the specifics of the northern Russian provinces. The government preferred to appoint retired militaries on main positions of police departments, and among them there was a high proportion of nobles, although there were police employees who came from different estates, including those who were obliged to pay taxes. At the same time bureaucratic positions were mainly filled in by clergy and “hereditary” officials (children of personal nobles and civil service officials). During the studied period for majority of officials their career prospects were shaped by their origins, experience and personal qualities rather than by the level of education.

In the last quarter of XVIII – first quarter of the XIX century city police, like other local institutions of northern Russian provinces, functioned in the conditions of a constant lack of officials. During the second quarter of the XIX century a significant improvement in police staffing was achieved, but still a scarcity in qualified personnel continued during the mid-XIX century.

REFERENCES

1. Nizhnik, N.S. (ed.) (2018) *Rossiyskaya politiya: tri veka sluzheniya Otechestvu* [Russian police: three centuries of service to the Fatherland]. St. Petersburg: St. Petersburg Ministry of Interior of the Russian Federation.
2. Lazareva, O.V. (2000) *Provintsial'naya politiya v kontse XVIII – nachale XX v. (po materialam Penzenskoy gubernii)* [Provincial police in the late 18th – early 20th centuries (a case study of Penza province)]. History Cand. Diss. Saransk.
3. Sedunov, A.V. (2003) *Pskovskaya gorodskaya politiya v XVIII – nachale XX vv.* [The Pskov city police in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Chernova, I.V. (2005) *Tomskaya gorodskaya politiya v kontse XVIII – nachale XX vv.* [The Tomsk city police in the late 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
5. Evtekhov, R.A. (2017) *Verkhneudinskaya gorodskaya politiya v sisteme administrativno-upravlencheskogo apparata Zabaykal'ya: stanovlenie i razvitie v XVIII – nachale XX v.* [The Verkhneudinsk city police in the system of the administrative and managerial apparatus of Transbaikalia: the formation and development in the 18th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
6. Golubinskiy, A.A., Khitrov, D.A. & Chernenko, D.A. (2012) *Gorodskoe zemlepol'zovanie na Evropeyskom Severe Rossii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Urban land use in the European North of Russia in the late 18th – the first half of the 19th centuries]. In: Shveykovskaya, E.N. (ed.) *Aktual'nye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy X–XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya* [Topical problems of the agrarian history of Eastern Europe in the 10th – 21st centuries: sources and methods of research]. Ryazan: [s.n.], pp. 168–176.
7. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 134.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1290. List 1. File 1 b.
9. Russia. (1860) *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
10. Russia. (1863) *Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii* [Urban settlements in the Russian Empire]. Vol. 3. St. Petersburg: K. Vulf.
11. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Vol. 20. № 14392. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
12. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. № 15379. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
13. Russia. (1830c) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. № 15689. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
14. Russia. (1830d) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 22. № 16353. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
15. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 326.
16. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1261. List 12. File 41.
17. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 41.
18. Russia. (1830e) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 17494. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
19. Russia. (1830f) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 25. № 18985. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 32 a.
21. Russia. (1830g) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 27. № 21007. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
22. Anuchin, E. (1872) *Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii s “Uchrezhdeniya o guberniyakh” 1775 g. do poslednego vremeni* [Historical review of the development of administrative and police institutions in Russia from the “Institution of Provinces” in 1775 to the last time]. St. Petersburg: Ministry of Interior.

23. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 1. File 32 b.
24. Russia. (1830h) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 22992. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
25. Russia. (1830i) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 44(2). № 24985. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
26. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 406.
27. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 165.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 2539.
29. Russia. (1830j) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 37. № 28375. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
30. Russia. (1830k) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 2. № 1469. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-1.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-29.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 4. File 218-7.
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 5. File 175.
35. Russia. (1830l) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 4. № 2841. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
36. Russia. (1836a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10. № 7910. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
37. Russia. (1836b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 11. № 9240. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
38. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 18. List 1. File 494.
39. Russia. (1844) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 22. № 21305. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
40. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 514.
41. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 6972.
42. Russia. (1845) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 19. № 18411. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
43. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 3751.
44. The State Archive of Vologda Oblast (GAVO). Fund 14. List 1. File 1059.
45. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 37.
46. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 129.
47. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 1748.
48. Russia. (1830m) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. № 26255. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
49. Plekh, O.A. (2018) Privlechenie kadrov na sluzhbu v rossiyskoy provintsii v pervoy polovine XIX v. (na materialakh Evropeyskogo Severa) [Attracting personnel to serve in the Russian provinces in the first half of the 19th century (a case study of the European North)]. In: Myslyayeva, N.S. (ed.) *Istoriya federalizma v Rossii : k 100-letiyu obrazovaniya avtonomnoy Bashkirskoy respubliki* [History of federalism in Russia: to the 100th anniversary of the formation of the autonomous Bashkir Republic]. Sterlitamak: Sterlitama Branch of BashSU. pp. 131–142.
50. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 54.
51. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 26.
52. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 113.
53. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 133.
54. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 470.
55. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 4. File 473.
56. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 149.
57. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1349. List 5. File 7771.
58. Ivanov, V.A. (2009) Sotsial'nyy sostav mestnogo zvena apparata upravleniya Rossii serediny XIX veka kak otrazhenie politiki pravitel'stva v oblasti formirovaniya chinovnichestva [The social composition of the local level of the administrative apparatus of Russia in the middle of the 19th century as a reflection of government policy in the field of bureaucracy formation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*. 1(56). pp. 73–79.
59. Plekh, O.A. (2016) *Mestnoe upravlenie v Vologodskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka* [Local government in Vologda province in the first half of the 19th century]. History Cand. Diss. Moscow.
60. Plekh, O.A. (2019) Zemskaya politsiya v severnykh guberniyakh Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX v.: chislennost' i sostav [Zemstvo police in the northern provinces of the Russian Empire in the first half of the 19th century: the number and composition]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii*. 3(1). pp. 15–52.
61. Russia. (1835) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 35(9). № 7224. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.
62. Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 24. № 23401. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery.